

Сегодня — 95 лет со дня рождения великого русского поэта

Веч. Ленинград. — 1990. — Золот.

«Друг мой любезный...»

Очередной есенинский юбилей вновь возвращает нас к 20-м годам, ко времени, когда поэт бывал в Петрограде — Ленинграде. Многим ленинградцам знаком дом на углу набережной Невы и нынешней улицы Фурманова. Бывший адрес этого дома: Гагаринская улица, 1. Здесь, в квартире № 12, неоднократно бывал Есенин. В том доме поэта всегда радушно встречал его близкий друг, в прошлом рабочий-печатник, Александр Михайлович Сахаров. В квартире Сахарова Сергей Есенин написал и посвятил хозяину свою знаменитую поэму «Русь Советская». Вспомним мемуары ленинградского поэта Вольфа Эрлиха, их начало: «Гагаринская, 1, кв. 12. Маленькая, грязная улица, идущая от Невы. На ней — рыбак, буячая, парикмахерская и две пивных... В угловом, выходящем на Неву доме (второй двор, направо) — квартира с большим коридором... кабинетом, заваленным книгами... Квартира принадлежит Александру Михайловичу Сахарову. В ней живут — жена

* В. Эрлик. «Право на песни» — Л., 1930. «Издательство писателей в Ленинграде».

Сахарова, брат его, дети и всегда кто-нибудь чужой...»

А. М. Сахаров (1894—1952) в годы дружбы с Есениным начиная с 1919 года работал секретарем секций полиграфических производств Совета народного хозяйства Северного района, являясь также членом коллегии полиграфического отдела ВСНХ. Помимо встреч с поэтом в Москве и Петрограде, Сахаров брал Есенина с собой в служебные командировки. Так, в марте 1920 года они выезжали на Украину. Именно в этой поездке был сделан редкий ныне снимок, на котором запечатлены друзья весной 1920 года в Харькове. Известен и другой снимок: Есенин и Сахаров у подножия «Медного всадника» поздней осенью 1925 года. Благодаря усилиям Сахарова в 1922 году был издан на его средства есенинский «Пугачев». Долгие годы в квартире Сахарова на Гагаринской хранились экземпляры поэм Есенина. Об этом мне рассказывал сын Сахарова — Глеб Александрович, который в последние годы жизни жил на Васильевском острове, на Детской улице. Но он бережно хранил сохранившиеся вещи отца, которые помнили и Есе-

нина. Большой знаток книг, Александр Михайлович собрал хорошую библиотеку, ее пользовались и Есенин, и Чапыгин, и Никитин, другие ленинградские писатели, дружившие с Сахаровым. Есенин часто обра

щался к Сахарову с различными просьбами издательского характера. «В конце концов, — вспоминал Александр Михайлович, — я и сам втянулся в работу этого издательского коллектива (речь

идет об издательстве «Эльзевир»), помогал и содействовал ему...». Известна и дружеская переписка поэта с А. М. Сахаровым, опубликованная в шестом томе собрания сочинений С. А. Есенина. В одном из писем (апрель 1921 г.) читаем: «Милый Сашка! Привет тебе и целование. Друг мой любезный, сделай все, что возможно, с моей книгой, только по другому плану. Издай только стихи, а поэмы выкинь. Потому что они выходят на дне злесь. Озаглавь «Ржаные кони». Книга первая. Я еду в Ташкент, в мае вернусь. Что тебе нужно, накажи — я привезу. Любящий тебя С. Есенин (Москва)».

После смерти Есенина и дальнейшая судьба Сахарова сложилась драматически. Он подвергался репрессиям, затем работал на стройках Казахстана, в тех краях он и умер в 1952 году, в пору, когда имя Есенина еще было в загоне и забвении... А в Ленинграде сейчас живет его дочь — Елена Александровна. Педагог по профессии, долгое время она жила в доме Достоевского, что ныне стоит в развалинах на Владимирском проспекте.

Воспоминания А. М. Сахарова публикуются впервые. Эти записи сумел сохранить один из знакомых Сахарова по казахской ссылке. Думаю, что этот материала прозвучит сегодня близким отзвуком далекого минувшего есенинского времени.

Предисловие и публикация Алексея КАЗАКОВА

Из воспоминаний о Сергеем Есенине

С Есениным я познакомился приблизительно в 1919—20 годах. Сам я природный ленинградец, тогда работал в Москве по профсоюзной линии и бывал у руководства советской художественной печати. Имел, знаете, чины-ранги... Советская власть многих петухов сделала орлами. Кто был ничем, тот стал всем... Водился я с крупными именами, не гнушался и мелочью... Не помню точно, с кем именно однажды ко мне в кабинет вошли двое, один из них назывался Есениным и протянул руку. О Есенине я слышал, читал его стихи, но увидел его в первый раз. Произвел он на меня впечатление что-то вроде мальчишеского, а когда заговорили, помню, об издательстве и поэзии, я сразу понял, что имею дело далеко не с мальчиком, а очень серьезным и смелым молодым человеком, горячим, темпераментным и принципиальным. Эге, подумал я, вот он каков, Есенин. Говорили недолго, расстались дружески. С этого времени он стал захаживать ко мне чаще, и мы незаметно подружились... По должности я поддерживал связь с разными писательскими организациями, а их был тогда легион — пролетарские, крестьянские, пролеткульты, футуристы, имажинисты и разных «измов». Есенин, в сущности, ни с какой организацией плотно не пристал, как-то обособлялся. Одно время ему нравились, как он говорил, имажинисты. Но это было 징징, неустойчиво. У него произвольно выпирала своя манера, есенинская. Нередко у нас бывали дружеские, но горячие споры о поэзии. Заходил он ко мне, как говорят, запросто или на работу, или на квартиру, читал свои стихи, без них, казалось, он не мог и час жить, дышать... Приходилось мне кое в чем помочь ему по издательским, по «Стойлу Пегаса»... Характер у Есенина был вспыльчивый, прямолинейный, задиристый. Временами Есенин был дерзок, но скоро остывал и делался даже нежным, внимательным, грустно улыбался от доброты душевной. Рост его был, пожалуй, малость выше среднего, фигура типично мужская, но очень изящная и гибкая, особенно он был элегантен в сером костюме, с щитом по последней европейской моде: просто и красиво! Мне он напоминал даже Байрона — рыжеватый, голубоглазый и стройный, в блестящем цилиндре... Казался нерусским, но когда я вспоминал, что он косопузый рязанец, мне становилось смешно... У нас были с ним разные столкновения, доходившие до грубых выкриков и чуть не до драки... И, знаете, чаще из-за пустяков. Помню такой случай. Прочел он мне «Черного человека» и

как-то по-особому выкрикнул то место из поэмы, где говорится о поэте: «Хоть с небольшой, но ухватистой силою...». Я сказал, что это он сам. Давай, говорю, попробуем, какая у тебя, мол, ухватистая сила... «Давай, — сказал Есенин, — Только по-честному. На ломкى? На пояскى?» Я согласился. Схватились и ну ломать дружка дружку. Мне показалось, что я одолею, и ослабил усилия... Есенин быстро это заметил и бросил меня в сторону, выкрикнув: «Пшел к черту! Не люблю фальши! Шибко умен!»

На том и кончилась схватка. От такой мелочи Есенин подымался на дыбы, гремел, ругался и чуть не бегал по комнате и не был стулья... Особенно споры у нас разгорались, когда речь заходила о новой поэзии. Сергей Александрович не был красноречивым, нередко сбивался с логики и потому больше злился. Летело вверх тормашками тогда все... Однажды спорили у меня на квартире. За столом сидели Деев-Хомяковский, В. И. Качалов, кажется, Мейерхольд. На столе кипел русский самовар. Есенин разгорячился в споре, да так рванул за скатерть, что самовар наш только блеснул золотым боком. И как мы не обварились — чудо! Спор мгновенно прекратился. Минуты три все молчали, смотрели друг на друга, а потом на лежащий самовар, и вдруг по почину Есенина все расхочатались и мирно продолжали беседу о поэзии. Сергей Александрович сделался тихим, внимательным ко всем, как бы извиняющимся...

Иногда подобные дружеские скандалы кончались «тигувкой», если они бывали в пивной или другом месте. Тогда приходилось чаще, пожалуй, мне звонить к Анатолию Васильевичу Луначарскому или от его имени и разбушевавшегося поэта водворять восвояси... Нервно-болезненный Есенин, казалось, не мог обходиться без скандалов и громкого захватывающего чтения стихов. А читал он надрывно, потрясающе, слушать его было тяжело и в то же время приятно. Он будто гипнотизировал. Тут власть его была необъятна!

Друзей у Есенина вообще было много, особенно когда он располагал крупным гонораром, а ведь есенинская строка котировалась на червонцы... Друзей же настоящих было мало, кроме Галины Бениславской и еще некоторых товарищ, назвать трудно. С ним дружили и пили, брали в долг деньги, которые он никогда, как мне известно, не требовал назад, но люди не хранили и не заботились об участии его большого таланта. И надо сказать откровен-

но — я первый, может, меньше других думал и беспокоился о поэте Сергеем Есенине. Теперь, когда вспоминаю о нем, делается так горько на душе и больно до слез... Почти все стихи его я знаю наподобие и читаю их при всяком настроении. Я заново переживаю давно минувшее, умиляюсь, этим и живу...

Было это, кажется, в последний год его жизни, зимою, в Москве, на Тверском бульваре, 25, где размещались разные писательские учреждения. Я зашел туда по делу, нужно было видеть Деев-Хомяковского, моего давнего приятеля. Из кабинета его слышался громкий разговор. Хрипловато доносился: «Стихи мои — кров моя! Тело мое!» Я открыл дверь и увидел стоящего в углу сверкающего глазами Есенина. Он походил на загнанного льва, почти рыжие всклокоченные волосы, искаленное злое лицо, в руках какой-то сверток бумаг. Против него стоял ласково улыбающийся хозяин кабинета, что-то громко говорил, но Есенин его не слушал, он исподлобья взглянул на меня и крикнул: «Вот, вот тоже поэт, не напечатавший ни строчки! Саша Сахаров! Сахаров, пошел ты к черту! Какой ты поэт, когда не печатаешь своих стихов!.. Ты современный, а современность нынче в моде!..»

Разгневанный член-то Есенин с минуту молчал, затем, не сказав ни слова, быстро вышел из кабинета.

«Какая сильная гениальная русская душа!» — произнес Деев-Хомяковский. Я ничего не ответил. Разговор наш не состоялся. Я забыл, зачем пришел, и, не попрощавшись, вышел.

На душе у него что-то было неладное, очевидно... При последней встрече Есенин вдруг сказал: «Пиши, Сахаров, индустриальные стихи! Я теперь тоже за них возьмусь. Сделаем нашу Русь кондитерскую стальной и гранитной!»

Больше я его не видел. В декабре 1925 года я был в Ленинграде и услышал, что приехал сюда Есенин и остановился в гостинице «Англете». Сразу я не пошел к нему, отложил до завтра... Когда же узнал, что он убил себя в ту ночь, я бросился в его номер... Я сроду не плакал, а тут разревелся, как ребенок. Да, отговорила роща золотая...

1948

г. Саранск,

Южный Казахстан

На снимке: С. Есенин и А. Сахаров. 1920 год.